

ОЛЕГ ТИЩЕНКО

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ КОНЦЕПТА *ГОСТЬ* В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В фольклорном и обрядовом контексте «слово раскрывается в своих архаических смыслах, превращается в понятие (концепт), значение которого отличается от толкования в словаре обычного типа и определяется непосредственной апелляцией к модели мира»¹. В целом ряде работ, посвященных языковым и культурным воплощениям разных по своей онтологии и эпистемологии концептам – социальным, ценностным, идеологическим, пространственным, мифологическим, обрядовым – (С. Воркачев, И. Стернин, Ю. Степанов, Т. Радзиевская, С. Толстая, С. Потапчук и др.)² обнаруживается принципиальное сходство приемов и методов анализа – от логико-семантических, этимологических и деривационных связей лексем, их устойчивых фразеологических контекстов – к культурным и ментально-символическим коррелятам номинативных единиц³. Именно такой подход, по

PROF. OLEH TYSZCZENKO – Katedra Języków Słowiańskich KUL; adres do korespondencji: al. Raławickie 14, 20-950 Lublin, e-mail: tovrts@mail.rv.ua

¹ Л.Г. Невская, *Концепт ГОСТЬ в контексте переходных обрядов*, в: *Из работ Московского семиотического круга*, Москва: „Языки русской культуры” 1997, с. 442.

² *Антология концептов*, т. I-IV, ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин, Волгоград: Парадигма 2005-2006; В. Старко, *Концепт ГРА в контексті слов'янських і германських культур (на матеріалі української, російської, англійської та німецької мов)*, Київ 2004; Т. Радзівська, *Концепт шляху в українській мові: поєднання ідей простору і руху*, „Мовознавство” 1997, № 4-5, с. 17-26; С. Потапчук, *Когнітивно-семантична структура концепту чистий в англійській та українській мовах*, Київ 2008.

³ Например, концепт Дом находится на пересечении трех измерений – это физическое пространство, его особый топологический тип; культура и человеческая жизнь, взятая в онтологическом аспекте бытия – обитания – быта; еще один пространственно-локативный и бытовой фокус – ситуации *покинуть дом, вернуться в дом, бездомный*. Сочетания с обозначениями наиболее значимых частей дома в их вторичном употреблении (*двери в новую жизнь, на пороге новой жизни*). См.: Г.М. Яворская, *О концепте 'дом' в украинском языке*,

мнению С.Толстой, закономерно предполагает «обращение к стоящим за языковыми знаками системе духовных ценностей, этнокультурным сущностям – ментальным и социальным образам, мифологическим и обрядовым представлениям или практическому опыту»⁴. Этнолингвистическая реконструкция объектов традиционной народной культуры ориентирована на выявление национально-культурной специфики вербализации определенного фрагмента социального континуума средствами первичной и вторичной концептуализации и возможность их фреймова и семиотического моделирования в разноструктурных языках и, соответственно, к экспликации стоящим за ними языковым, концептуальным, «наивным», религиозным и иным представлениям.

Отметим, что *Гость* представляет собой один из основных социальных концептов культуры. Э. Бенвенист выводит происхождение этого слова еще с индоевропейского периода. Гость – чужой для коллектива человек, в одной из возможных ситуаций – чужеземец, чужой, инородец, враг (например, лат. *Hostis* „враг”, который входит с хозяевами в отношения обмена подарками). Между гостем как представителем чужого мира и хозяином возникает взаимодействие и взаимные обязательства, в чем В.Н.Топоров усматривает следы и.-е. *ghost в прусском *gasto, значение которого восстанавливается им в пределах представлений, сводящихся к оппозиции «свой/чужой», относящихся к тому же кругу обменных отношений, что и «брать/давать», обозначающих индоевропейскую символику обмена⁵. Исходная мотивировка чужести и враждебности гостя в какой-то мере просвечивается во внутренней форме болгарских пословиц типа *Госта гоцаван, врага процавай, На гости драг, а в къщи враг* [БНТ: 125, 264].

Как подчеркивают белорусские исследователи, семантика слова *госьць* является определяющей в составе бинарных противопоставлений свой/чужой, этот свет/тот свет, она служит медиатором в мифопоэтической категоризации мира, что особенно проявляется в разных обрядовых ситуациях и прежде всего в переходных обрядах [БМ: 123], фольклорных текстах, народно-диалектной фразеологии.

в: *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*, Москва: „Языки славянской культуры” 2004, с. 716-728.

⁴ С.М. Толстая. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва: „Индрик” 2008, с. 198.

⁵ Невская, *Концепт ГОСТЬ...*, 442.

В этнографических работах подчеркивается божественность и неприкосновенность гостя (приглашенного гостя, случайного или ритуального посетителя, участника обрядовых обходов, например, колядования). Эти черты гостя приобретают свойство семантической универсалии в разных этнокультурах⁶. Отчасти эти представления объективированы в таких пословичных контекстах: русск. *Гость в избе, значит Бог тебя не оставил, Гость – посланец Божий* [СОАН: 34], белор. *Госць на двор и Бог в двор* – на долю пришельца всегда Бог даст [СБП: 287], польск. *Gość w dom, Bóg w dom, Gościa przyjmiesz, tak rozumiej, że Boga przyjął, Gość w próg, w dom Bóg* [НКРР I: 717], *Gość niesie z sobą błogostawieństwo boże* [НКРР I: 717], укр. *Гість в дім, Бог з ним* – вислов давньої руської гостинності: гостя посилають боги [Фр.ГРНП: 479], чешск. *Host do domu, Bůh do domu* [Čelak.: 498].

Прежде чем перейти к фразеологическим связям и корреляциям лексемы *гость* (польск. – *gość*, русск. – *гость*, укр. – *гість*), репрезентирующим т.н. метафорический, или, по С.Г. Воркачеву, образный слой концепта, следует определить словарную дефиницию концепта на уровне его синхронной смысловой структуры, представить первичную концептуализацию лексемы через реконструкцию культурных этимонов, модели словообразовательной и семантической деривации лексем данной тематической группы, а также отчасти ее функционирование в составе некоторых фольклорных и ритуальных текстов, связанные с ними мифопоэтические и др. представления.

В *Словаре польского языка* Б. Дуная представлены сходные современные бытовые и социальные корреляты обозначенной лексемы, в основном семантически производные от исходного прототипа – чужаков, пришельцев, путников, путешественников: «osoba, składająca komuś wizytę, odwiedzającą kogoś; zaproszony uczestnik czegoś (np. programu telewizyjnego, przyjęcia, zabawy)», «osoba płacząca za gościnę, usługi, pobyt gdzieś», «pewien, bliżej nieznany mężczyzna; także ktoś znany, wobec kogo wyraża się swój stosunek» (np., podziw, lekceważenie (*Jakiś gość wepchnął się bez kolejki*) [SJP: 159]. В словаре варшавских социолектов XIX века Б. Вечоркевича лексема *gość*

---

⁶ Так, в трансцендентальном смысле «Дом албанца – это жилище Бога и гостя», поскольку прежде чем стать домом для своего хозяина, он должен быть домом для гостя. Гость – это действительно полубог... С того момента, как самый скромный путешественник с котомкой за плечами постучит в твою дверь и придет к тебе в качестве гостя, он превращается в существо необычайное, неприкосновенного суверена, законодателя, светоча всего мира... И эта внезапность превращения как раз является свойством божества См.: А. М о н т а н д о н, *Гостеприимство: этнографическая мечта*, пер. с франц. Е. Гальцовой, в: *Традиционные и современные модели гостеприимства. Материалы российско-французской конференции*, Москва: РГГУ 2004, с. 9-26.

зафиксирована с такими вторичными значениями: „pasażer”, „konsument w restauracji, cukierni”, „klient” [Wieczor.:189]. С. Скорупка во фразеологическом окружении слова *gość* обнаруживает и такие референты, как «kawiarniany, hotelowy, restauracyjny <klient>», «przybysz, przyjezdny <przyjezdny zza granicy, turysta>», *bujanie gości* – фальшь, неправда, *mieć gości, goście przyjechali* – о менструации (диалектное, региональное) [Skor.: 256]. Стоит обратить внимание и на некоторые современные значения фразем *wypasiony gość* „człowiek bogaty, mający kasę (pieniądze)” [Podł.: 45] и другие контексты его употребления: *lepszy gość* „bogaty, mający władze, przywileje”, *moro-wy/równy gość* „ktoś, na kim można polegać, dzielny, sympatyczny” (устаревшее), *rany gościa* – проклятие, возглас удивления, негодования [Muld.-Nieck.: 250].

В староукраинском языке лексема ГОСТЬ фиксируется со значением «купец, најчастіше іноземний» [ССТУМ: 257]. В то же время в старопольском языке в семантической структуре лексемы *gość* и некоторых ее производных обнаруживаются, кроме прочих, юридически-правовые ЛСВ, например, *gościnnie, gościnni, gościny* „przybyły”, „wędrowny”, „cudzoziemski”, „obcy”, „podrózny”, особенно в синтагматических связях с именами: *gościni list* „pismo wystawiane obcemu”, *gościnnie prawo* „prawo dotyczące obcych”, *sąd gościnnie* „sąd dla obcych”, *gościnnie pieniądze* „opłata uiszczana panu feudalnemu przez chłopą opuszczającego wies” [MSZP: 75], *gość* „osadnik”, „nowicjusz”, (praw.) „człowiek mieszkający w miejscowości znacznie od siedziby sądu odległej albo mieszkaniec miasta niemający w danym mieście praw miejskich”, (praw.) „strona procesowa, powód albo pozwany”, *gościna, gościno-wanie, gościństwo* „pobyt poza domem, poza ojczyzną, za granicą, pobyt nie na prawach obywatela, też wędrowanie, wojażowanie”, *gościa* „obca, cudzoziemka, niestała mieszkanka” [MSZP: 75], еще с XVII в. сохранился старопольский по происхождению фразеологизм *być gościem w czym* с нейтральным значением «не ориентироваться, не знать чего-либо» [SEJP 2005: 161].

Институт обмена в древних обществах делает понятными и обычаи, связанные с 'гостеприимством' и 'угощением'. Это тоже своеобразный обмен между 'хозяином' и 'гостем', которые могут меняться ролями. Этим и объясняется возможность соединения в одном слове значений 'хозяин' и 'гость', т.е. 'тот, кто принимает и 'тот, кого принимают'. Именно такую семантику следует приписать и.-е. **g[h]ost[h]* – 'хозяин', 'гость'⁷.

⁷ Т.В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*, т. II, Тбилиси 1984, с. 754.

Денотативное поле угощения реализуется через семантику ВЗАИМО-ОБМЕНА и ДОРОГИ в синкретическом единстве их внутренней формы. Об этом свидетельствуют факты внутренней реконструкции описываемой лексемы, семантически производные от этого корневого архетипа, как, к примеру, украинское *гiстьба* «подорож»; «угощение» (Желехов.), *гостинець* «подарунок», «великий шлях», «корчма», *гостинник* «господар готелю», *гостівник* «той, хто охоче ходити на бенкети» [ЕСУМ I: 517]. На уровне первичной концептуализации стоит остановиться на праславянских по происхождению производных лексемах (ср. русс. диал. (архангельское) *гостить* (и отсюда *загостить*) – «идти, жаловать в гости» – (*Загости ко мне хлеба соли кушать на винну чарку*), *гостьбу гостить* «ходить по гостям», *гостьба* «угощение, хождение по гостям», *полюбовная гостьба* «последнее в заключение свадебных празднеств гощение новобрачных у своих родителей, а также и других родных и знакомых» [СОАН: 34]. Мотивационная доминанта гощения реконструируется в русской терминологии послесвадебного периода и взаимного дарения подарков, а также метонимически – обозначает лиц, участников обряда: *гостилице* «первый приезд, приход только что вышедшей замуж дочери к своим родителям», *кручинные гостинцы* «подарки жениха невесте, которые вручаются после пропоя», также зовут и сам обряд, *гостинцы* «девушки, привозившие подарки жениха накануне свадьбы», *гостьба* «угощение в доме родителей невесты на второй день после свадьбы», *перво гостьбице* «посещение молодоженами родителей невесты через неделю после свадьбы», укр. *умивати гостей*, этн. Назва весільного обряду: „Коли хто-н. заїздився на весілля й не хоче платити за це викуп, то його на воротах „умивають“; „Стоять на воротах свати й не пускають гостей, поки вони не вмиються, а за умивання треба платити“; „На другий день гості приходять до молодих, у коридорі стоїть вода, усіх умивають і беруть за це гроші“. [ФССГД: 145].

Украинская лексема *гостина* в словаре Б. Гринченко фиксируется с такими значениями: «перебування в гостях» (*Гірка гостина, коли лиха година*), «пиршество, угощение, принятие гостей» (Починається гостина для всіх нас радісна) [Грінч. 1: 318], как и соответствующее польское *gościna* «ugoszczenie, uczta, przyjęcie, odwiedziny», другие диалектные обозначения *gościna* „zabawa, przyjęcie, uczta” (*Za gościne robić* «pracować u kogoś w polu nie za pieniądze, lecz tylko za przyjęcie, poczęstunek» Ust. z Polesia Wołyńskiego [SGP II: 109]. Ср. предикатную семантику гощения: *gościć* „oglądać kogo w swych progach 'w swym domu' [SFŽT: 295], а также некоторые глагольные дериваты в польском диалектном языке: *naugaszczać* «много

и обильно угощать кого-л», *rozgościć* «принять кого-л. у себя, угождая ему», *zagościć* «усадить гостя», *przygościć* «прибыть в гости», *pogościować* [SGP IV: 296-297] и под. В украинском языке, как и в польском, дериват *гостинець* обозначает подарок, презент, гостинец, большую дорогу, а также метонимически – корчму. (*Підемо го пропити до нового гостинце, за червоне винце*) [Грінч. 1: 318] – польск. *gościniec* dawn. «*gospoda, zajazd, trakt, szeroka droga wiejska (dawn. bita droga gości-kupców)*; *podarunek, przywieziony z podróży*» [SMTK 2001: 333]. Польский этнолог Я. Адамовский справедливо увязывает лексему *gościniec* с понятием ритуального пути, соединяющего «своих» и чужих», и функцией подарка, одариванием⁸. В русских заговорах, направленных на то, чтобы велся скот («скот был ко двору») в качестве *гостинца* домовому (хозяину) дают *щепоточек сахару, три-четыре чайники* или – при первом выгоне скота – *яйцо*; берут узелок с хлебом, сахаром, чаем, идут в хлев и говорят: «*Дворовой, хозяин с хозяйской, с няньками, мамками, с верными служанками, примите гостинцы от нас, кормите, холите нашу скотинку!*»

В некоторых украинских диалектных источниках обнаруживается лексема *гостебник* «путешественник отправляющийся по делам торговли», *гостебный* «относящийся к гостьбе» [СУМГол.: 489], польск. (кашубское) *goscinnik* „*przyjaciel domu, częsty i mile widziany w domu gość*” [SGK 1: 345], русск. (диал.) *гостинник* «прислужник в монастырской гостинице» [СРНГ 7: 94]. Реконструируемая в рассматриваемом этимологическо-словообразовательном гнезде семантика дарения, купли и продажи подтверждается и другими локальными единицами: *пригістне* «гостинець, подарок посетителя», *пригісне* «гостинець» (ласощі, солодощі, делікатеси) [МССГ: 154], *гостинне, гостинное* «дань от свиней» [СУМГол.: 489], польск. *gościnne* „*zapłata od stania w gospodzie, stajenne, pozostałe jeszcze na Podolu imię opłaty od bydła*” [SGP II: 111], *пригіст* – приветствие (*Музика зачинає відгравати на пригіст* [Грінч. 3: 411]).

Таким образом, исследователи подчеркивают, что понятие *гость* могло быть отнесено к любой категории чужих, временно пребывающих в доме. В древнерусских текстах *гость* – это купец и вообще *чужестранец*, а в переносном словоупотреблении – разбойник, вор, побывавший в доме без ведома хозяев. В фольклоре *гостьей* (*гостейкой*) иногда именовалась боллезнь – лихорадка. Такую *гостью* старались скорее выпроводить: *Какова*

⁸ J. A d a m o w s k i, *Semantyka przestrzeni*, Lublin: UMCS 1999, s. 155.

ты гостья есть, такова тебе и честь. Где гостья была, там и поди – читаем в русских заговорах. В «Словаре русских народных говоров» диалектное обозначение *гостья* имеет несколько значений: «девушка, приглашенная в гости на святки», «лихорадка», «оспа», при игре в городки – рюха, которая падает впереди передней черты [СРНГ 7: 98].

В украинском и польском ареальных континуумах обнаруживаются сходные значения дериватов-эвфемизмов, концептуализирующих болезнь: *гостець* «ревматизм», «золотушные раны» [СУМгол.: 489], на (Podhale) полагают, что каждый человек имеет свой *gościec*, т.е. врожденное „*usposobie-nie*”, вызывающее разные болезни (*Gościec trzyma swoje złe końce*), *Trafić komu na gościec* «dogodzić» [SGP II: 109], в бойковских говорах лексема *гостиць*, *гостице* также обозначает радикулит, ревматизм (*Гостиць го кришит, Ломив би ти гостець кості! Ти поганий болищучу-гостищучу, нечистий руматусе...*) [СБГ I: 188], *Мне як гостець бабу/діда, Ходить як гостець по костях* – о приходе неприятного человека [ССНП: 45].

Уместно вспомнить и о других аспектах вторичной концептуализации ключевого номинанта, проявляющихся в «негостевой» сфере употребления в составе устойчивых образно-характеризирующих единиц, в мифопоэтических и обрядовых текстах. Так, сферу вторичного означивания лексемы можно приписать ее функционированию в текстах загадок (персонификация неживых предметов, космогонических⁹ и временных понятий, родственных отношений, обозначения пришельцев, путников, странников вообще, артефактов, к примеру, посуды и других предметов быта, растений, например, в польской загадке: *Jadą gościec po lipowym moście do glinianego dworu (groch, przetak i garnek)*¹⁰ и русских – *Что гость, то постеля, что гость, то постеля* (Мох и бревна), *Сестра к брату в гости идет, а он от нее прячется* (Ночь и день), *Тридцать гостей, тридцать постель, постель с постелью не сойдется, гость с гостем не столкнется* (тридцать суток и ме-

⁹ Ср. древнеисландские космогонические представления о верховном боге скандинавского пантеона Одина, принявшего имя *Gestumblindi* – слепой гость, с которым, по мнению Т.В. Топоровой, связан цикл «Загадок Гестумблинди» как отражение древнего архаического ритуала. *Гестумблинди* выступает в качестве исполнителя загадок, в древнеисландских сагах он загадывает загадки Хейдрекку. Последняя его загадка представляет собой вопрос на космогоническую тему, завершающий диалог-состяжание о прошлом и будущем космизированной вселенной, на которую его противник не знает ответа и проигрывает. См. об этом: Т.В. Т о п о р о в а, *О древнегерманских космологических загадках как феномене языка и культуры*, Москва: ИМЛИ РАН 2002, с. 14-15.

¹⁰ Z. Gloger, *Zagadki ludowe z nad Narwi i Buga na pograniczu Mazowsza z Podlasiem w latach 1865-1880*, Kraków 1883, s. 13.

сяц)¹¹. В русском народно-диалектном языке обнаруживаются вторичные номинации, определяющие лексему *гость* через другую денотативную сферу, например, метеорологию: *поздний гость* – послеобеденный дождь (*Ранний гость до обеда*. Поговорка – об утреннем дожде) [ФСРГСиб.: 48]. В белорусском языке словосочетание *новы госцік*, по свидетельству Н. Никифоровского, обозначает дожинальный сноп (перад выпраўленнем на зажон «зажонніца» мые бажніцу, лавы і стол, які пакрывае белым абрусам дзеля прыему «*новага госціка*» - невялікі пучок каласоў, зжатых першым узмахам сярпа і адразу звязаных асобна, пасля зажону снопкік прыносяць дадому ы ставяць на бажніцу)¹².

В языке традиционной народной культуры концепт *гость* отчетливо кодирует тему смерти и локализации загробного мира, выступает в заклинаниях, колядках, причитаниях. Так, в белорусском народно-поэтическом сознании *гостем* называют покойника, находящегося на границе двух миров. В гости принимают дядоў, души умерших предков: о чем свидетельствуют выражения: *госць мил, да хлеба жаль* – говорят в роде печальной шутки, означая, что с погребением умершего не надобно медлить [СБП: 287] или *То не госць, коли душа есць* – говорят, разумея под *госцем* умершего [СБП: 443], *Ета ня гость, што душа йосьць, а то гость, што души нету* [СЭС III: 102]; в русских (пермских) говорах – *поехать домой* «умереть» (*Хватит жить, отгостились здесь, теперь домой поедем*) [ФСПГ: 282]. В «Галицько-руських приповідках» И. Франко находим: *Всі смо гості на божім світі* – знач. «Наше жите минуше, побудемо якийсь часі помремо» [Фр.ГРНП: 479], *Всім нам тут коротка гостина* – знач. се жите наше минає швидко, воно тимчасове [Фр.ГРНП I: 617], *З гостини до дому!* – о чьей-либо смерти [Фр.ГРНП I: 618], укр. (слобожанское) *ходить до жмурика в гості* «погоджуватися грати на похоронах (про музик)»...[ФССГД: 45], *Був у гостях, пішов додому*. Помер. („На цьому світі ми не вічні, а ніби в гостях”) [ФССГД: 45], русск. *Несут гостя до погоста* [БСРП: 217], *Мертвых с погосту не водят* [ТФНО: 252], *Жалко батьку, а на погост везешь* [ТФНО: 256]. Ср. некоторые персонифицированные апеллятивы-антропонимы в приглашениях в гости в песнях, посвященных встрече Ма-

¹¹ Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология, С. Петербург 2006, с. 276.

¹² *Жыця адвечны лад. Беларуская народныя прыкметы і навері*, Кн. I-II, ред. У. Васілевіч, Мінск: Мастацкая літаратура 1998, с. 273.

сленицы: «Дорогая наша *гостья*, Масленица, Авдотьюшка, Изотьевна... *погостюй неделку*¹³ или в цикле троицких песен: «Березонька, у кого же ты гостила?», *гостейка* «березка, которую на троицу одевали в лучшее женское платье, приплетали ей косу из кудели, украшали разноцветными лентами» [СРНГ 7: 91], в свадебных причитаниях невесты, в обрядах прощания с кошой, где также просвечивает идея чужого, неизвестного – «Час, неделюшку гостити», «Погости-ка, гостья милая», «Незнамы гости наехали»¹⁴, в причитаниях по покойнику – *гостьбище*, *гостина урочна неделюшка* (Ослобожена *гостиная неделюшка* – неделя для гощения у родственников). В польском музыкальном фольклоре в голошениях по дочери: Ой дочечко, дочечко... *Аткуль же ты, дочечко, ко мне ў гості йцімеш? Куди ж ти забіраешся? Гостік наш дальокий, гостік наш глибокий* [МФП: 239, 241]. В украинских колядках обращаются к покойному отцу: Коли же, батейку, *гостейком* будеш? – Як білий каменец наверх сплине. Ср. мотив украинских колядок, когда *гости* с того света-колядники нашли Бога у хозяина¹⁵.

В польских заговорах против пожара: обходили трижды пожар вокруг, каждый раз при этом бросая щепотку соли «ze Świątej Agaty», приговаривая: «*Ogniaszku, Zygmuncie, Świątym krzyżem żegnam cię, Tyś gość i ja gość Nie pal się bo już dość*»¹⁶, «*Ty nevítaný host', stoj a nechod' dál, jako stál Kristus Pán, dyž ho křtil sv. Ján v řece Jordáně!*» – Ты, непрошенный гость, стой и не иди дальше, как стоял Иисус Христос, когда его крестил Св. Иоанн в реке Йордани» – обращаются к огню моравяне¹⁷. По свидетельству А. Афанасьева, на Волыни выносят небольшой стол, накрытый чистою скатертью; на столе кладется хлеб-соль и ставится святая вода; с этим столом знахарка обходит кругом загоревшегося дома и шепчет заклятие: «*Вітаю тебе, гостю! Замоваляю тебе, гостю! Йорданською водою заливаю тебе, гостю! Прийшов Господь в мир – мир його не познав, а святий вогонь слугою своїм назвав; Господь на небо вознісся, за Господом і слуга (його) святий вогонь понісся*»¹⁸. В польской лечебной магии, если у овцы завелись «гобаки» – черви

¹³ *Обрядовая поэзия*, ред. В.И. Жекулина, Москва: Современник 1989, с. 151.

¹⁴ Там же, с. 401, 420.

¹⁵ В. Завадська, Я. Музиченко, О. Таланчук та ін., *100 найвідоміших образів української міфології*, Київ: Орфей 2002, с. 84-85.

¹⁶ F. Kotula, *Folklor słowny osobliwy Lasowiaków, Rzeszowiaków i Podgórczan*, Lublin 1969, s. 96-97.

¹⁷ F. Bartoš, *Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy*, Telč 1892, s. 299.

¹⁸ А.Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*, т. II, Москва: Современный писатель 1995, с. 10.

(наиболее распространенная у овец болезнь, когда в шерсти и голове заводятся паразиты), больное животное подводят к кусту *ostu*, пригибают ветку этого растения к земле, прибивая ее деревянным колышком, при этом трижды произносят магическую формулу-угрозу: «*Oście, oście – dotąd cię nie puszcze, póki z tego zwierzęcia nie wylecą goście*» – Чертополох, чертополох, до тех пор не отпущу тебя, пока из этого животного не вылетят гости – и до захода солнца червяки оставят тело овцы¹⁹ Ср. греческое *parasitos* «гость», *parasite* для обозначения человека, который мастерски ест в гостях, всячески выхвалявая при этом хозяина; в собственно биологическом значении эта лексема употреблялась значительно позже, приблизительно в XVIII в. [WW: 283]. В чешской магической практике в страстную пятницу до восхода солнца хозяйка ходит от порога к порогу и деревянной колотушкой ударяет трижды по каждому порогу снаружи, повторяя при этом трижды у самых дверей: *Hosti bez kosti z toho domu ven – Гости без костей, уходите вон из этого дома*²⁰. Показательными в этой связи представляются поверья, связанные с печью как символом домашнего очага. Как элементы внутреннего пространства дома – *угол* и *печь*, а также связанный с печью образ огня²¹ – закодированы в польских присловьях, игровых контекстах, загадках и некалендарных паремиях, приметах: *Przyjechali styrech gości // Cztery kąty, a piec piąty* [SGP 1: 288]. В польских загадках огонь наделяется магическими свойствами в единстве положительной (хозяин) и отрицательной (плохой гость) функций: *Dobry gospodarz, a lichy gość (ogień)*²².

Этнографы констатируют, что «приближение пришельца не только перекодировало дорогу, но и трансформировало дом, в котором ожидали гостей. Происходившие в нем события связывали с предстоящим появлением

¹⁹ F. Kotuła, *Formuły magiczne z Rzeszowszczyzny*, „Literatura Ludowa” 1973, nr 3, s. 54.

²⁰ Е.В. Вельмезова, *Чешские заговоры. Исследования и тексты*, Москва: Индрик 2004, с. 168.

²¹ По славянским языческим верованиям, *Редигост* и *Саврожич* представляются одним божеством, молниеносным богом, убийцей и пожирателем туч (небесных коров) и вместе с тем светозарным гостем, являющимся с возвратом весны. Вторая часть слова для обозначения этого божества этимологически связывается с санскр. *Ghas – edere (hostia – жертва; в санскр. гость – goghna – тот, который убивает быка или корову или для которого убивается это животное. Обычай древних пастушеских народов требовал убивать для гостя жирного тельца. От понятия о пришельце, посетителе слово гость перешло к обозначению всякого чужеродца, иноземца и торгового человека – замечает А.Афанасьев. См.: Афанасьев, Поэтические воззрения..., с. 7.*

²² S. Folfasiński, *Polskie zagadki ludowe*, Warszawa 1975, s. 101.

гостя: дом как будто приоткрывался дороге»²³. Поэтому существовал целый комплекс примет, по которым можно было судить о приближении гостей. Так, на польском Слензке верят, что если одновременно произнести какое-то слово, то кто-то придет или будет ссора в соответствии с пословицей «*albo złość albo gość*»²⁴. По распространенным у славян поверьям, гостей следует ждать, если из печи выскакивают искры, угольки, выпадает головня, полено выпадает из беремени (связки). Белорусы утверждают: *нечаянный госьць придзець*, если нечаянно угаснет огонь в избе [СБП: 378]. В России выстреливающие из печи головешки обычно принимались за добрый знак: *Если горящая головешка вываливается из печи – быть гостям, Уголья скачут из печи – перед гостями* [ЭС: 94], *Если уголья «стрекают» в печи, то в доме будут гости* (В.Даль), *Полено дров откатится в печи – к гостям, Если хозяйка уронит из охапки дров одно полено на пол, то точно также в доме будут гости... Если загорится сажка на «целе» печи, то в доме будут гости* [ЭС: 99].

Второй круг представлений связан с идеей распада, разрушения, деформации домашнего очага и интерьера дома (падают хлеб, ложки, остается забытая ложка перед приходом гостей)²⁵. Белорусы верят: *Калі ў хаце трашчыць сцяна з парога – госьць будзе* [Васіл.: 493], *Калі на парог упадзе палена, будуць госьці*, по украинским архаическим представлениям, *Як веретено з рук падає, то гість до хати прибуває*²⁶.

Во многих приметах появление неожиданных гостей связывают с поведением животных: *сорока щекочиць – гостей кажиць* [СБП: 432], *Як сарока каля будынку шчабеча, то таго дня будуць гості* [Васіл.: 120]. Ср. русск.: *Костыль ставить – лежа на спине, поднять лапу кверху (о кошке), Костыль ставит кошка – гости придут* [ФСППГ: 356], укр. *Не в чім котка лапу*

²³ Т.Б. Щепанская, *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв.*, Москва: Индрик 2003, с. 362.

²⁴ А. В а с з е к, *Wierzenia, zwyczaje i praktyki ludu śląskiego*, „Orli lot. Miesięcznik krajoznawczy” 9(1975), nr 1, s. 59.

²⁵ Щепанская, *Культура дороги...*, с. 362.

²⁶ *Веретено* – символ «своего» и «чужого», этого и потустороннего миров. Поэтому веретено использовали в лечебных целях (против лишая, бородавок, «соняшниц», «бабиць»), веретеном обводили больное место, выпекали бородавки, купали больного в воде, которая стекала с веретена; издревле веретено приобретало значение охранительной символики против нечисти вследствие острой концовки и слюны, которой смачивают пряжу См.: В.В. Жайворонок, *Знаки української етнокulturи: Словник-довідник*, Київ: Довіра 2006, с. 76.

лизала – аж гостя казала [Номис: 241]. Кашубы верят, что *Kot vgoną gosci v dom* – Кот вгоняет гостей в дом, причем *Jak kot są meje po nosku, gosc p̄inze z bliska, jak za icha, to z daleka* – если кот моет нос, то прибудет близкий гость, а если ухо, то гость будет издалека [SGK II: 345]; по поверьям новгородцев, нужно взять моющего кота и пустить на пол. Если вперед (в передний угол) пойдет – *хороший гость*. Во все другие стороны: не такой хороший гость [ТФНО: 178]; *Собака во сне лаєт – к гостям*, Если после метения пола остались от веника листья – это признак того, что будут гости; ложка, забытая на столе к гостю, зевается всегда к гостям, куры дерутся к гостям, кошка чистится – гостей намывает, белор. *Кошка мыецца – gosci будуць, Калі кашка чанурыцца на лаўцы, палку, на печы ці на падаконніку, гасцямі будуць свае, сваякі; на падлозе – чужакі*; по поведению животных узнают также пол пришельца, а также средство его передвижения (пеший или конный): *калі певень прапаяе на варотах ці на веснічках, трэба чакаць гасця* [Васіл.: 404, 425]; пауку, спускающемуся на паутине, надо сказать: *К гостям – поднимись, к вестям – опустишь. И он укажет, что следует ожидать* [ЭС: 320]. С пауком и паутиной, по свидетельству А. Гуры, связаны разные приметы; часто паук является приметой прихода гостей (юго-зап. Малопольша, Бельское воев.). Паук, ползающий по человеку, предсказывает приход гостей или какое-либо известие (Ровен. обл.)²⁷.

В некоторых приметах появление лягушек в доме служит предвестием прихода *нежеланных гостей* (совр. Львов. обл.), несчастья (Брест. обл.)²⁸. Передача насекомых, избавление от них кому-нибудь другому в Курской губ., подбрасывание тараканов сопровождается особым диалогом: «*Увай-дешь у гости и скажешь: - «Здравствуйте. Ждали гостей?» - А сам прусаков держишь.- «Ждали, добро пожаловать, - ответят хозяева.- «Гости ваши. Возами возите, лопатами грядите»*»²⁹. Другая примета, согласно которой крик сороки предсказывает прибытие гостей или получение известия (иногда оба толкования совмещаются: приход кого-либо в дом с новостью). Известие как сообщение мотивировано «говорливостью», «болтливостью» сороки, т.е. эта примета имеет иную семантическую природу и не связана

²⁷ А.В. Гура, *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва 1997, с. 509.

²⁸ Там же, с. 387.

²⁹ Там же, с. 428.

с символикой сороки как нечистой птицы. Как знак прибытия гостей сорочий крик толкуется у русских и украинцев³⁰.

Соотношение ГОСТЯ И ХОЗЯИНА, по данным русской наивной картины мира, объективированы в таких паремиологических контекстах: *Гостью почит – хозяину честь, Как ни гости, а хозяев из дому не выгостишь*, эксплицирующих этикетно-ритуальные формы поведения: *В гости не ходят с таким (ни с чем, без ничего), Не знавши гостя, не здравствуйся, Гостющей не жалей, а погузе лей, Не гостям – хозяйина, а хозяину гостей благодарить, Не бойся гостя сидячего, а бойся гостя стоячего, Всугонь (т.е. вдогонку) гостя не потчуют, Вслед гостя не употчущешь, Взад гостю не кланяются (не накланяешься)*. Оценочное значение (*почетный-непочетный* гость) кодировано при помощи сакральных локусов, в качестве которых выступают передний угол в избе под иконами и иные *хорошие места* (ср. в русской обрядовой поэзии, при встрече гостей хозяйка говорила: «Просим в избу: *красному гостю – красное место*», в украинской народной традиции ему соответствует *покуття*: *Не всякий гость к переднему крыльцу (в передний угол), Гостю в переднем углу место, Званому гостю – первое место* [БСРП: 216], *Богатому гостю – хорошее место*, укр. *Сидить як гість на покуті* [ССНП: 45], белор. *На куце сядзець – быць на покуце як ганаровы, пачэсны госьць* [СБНФ: 157], *Мил гость, да велик пост, Званный гость всегда честен, Званный – гость, а незванный – пес, не черт его нес* [БСРП: 215].

Некоторые единицы в составе рассматриваемого фразео-семантического поля отражают нормы поведения по отношению хозяина к гостю и гостя к хозяину (семантика взаимообмена ГОСТЬ-ХОЗЯИН), запреты и рекомендации, связанные с гостеприимством, амбивалентность положительной и отрицательной семантики, связанной с принятием гостей, семантикой *своего и чужого*: *В гостях воля не своя: и где посадят, там и сиди, В гостях гостить – несвоя воля творить, Гость пришел – хозяину хорошо* [БСРП: 215], *Гости – люди подневольные: где посадят, там и сидят; а хозяин что чирей: где захочет, там и сядет* [БСРП: 213], белор. *Чужэй хлеб – гасцінец* – все чужое кажется вкуснее [Юрч.: 4], *Глупый гость будет угощать хозяйина, Гость на гость – хозяину радость* – о неожиданном приходе желанных гостей (обычно говорится новому гостю при обилии других гостей) [БСРП: 214], *Гость на двор – и беда на стол/на двор* [БСРП: 214], *Гость на двор – хозяин со двора* [БСРП: 215]; желанными оказываются гости *из далека*:

³⁰ Там же, с. 272.

русск. *Дальние гости не наскучат*, польск. *Goście złym słowem nie wyprowadzają z domu, bo może wrócić diabłem* [НКРР I: 715], *Gościowi należy się pierwsze miejsce* [НКРР I: 715], *Gościowi stacje, rzemieślnikowi zapłaty, najemnikowi myta – nazbyt nie dawaj, Gościu w gospodarskie rzeczy nie wdawaj się swe miej na pieczy* [НКРР I: 715], *W domu przed gościem gospodarz nie chodzi* – гостям отдают предпочтение [НКРР I: 719]. В образно-смысловой структуре некоторых единиц данного семантического круга обнаруживается пространственное значение, маркирующее элементы внутреннего, домицированного пространства – *стол, дверь, порог, угол, печь*, а также внешнего пространства – *ворота*, символизирующие границы *открытого/ закрытого, внешнего/внутреннего*: русск. *Гости на двор, и беда на двор, Гости на двор, так дверь/ворота на запор* [БСРП: 213], *Для дорогого гостя и ворота настежь, Непрошеному гостю места нет, Незваному гостю место за дверью*, белор. *Няпрошаного госьця за парог выводзяць* [МРБсан.: 253], *Коли рады гостям, так встречайте их за воротами, По гостям гуляй, да и сам ворота растворяй, Для незваного гостя и ложка не припасена*, белор. *Няпрошаному госьцю лыжкі няма* [МРБсан.: 253]. В польской этнокультуре обнаруживаются сходные смыслы: *Nieproszonych gości pod stół wsadzają* [НКРР I: 716], *Nieproszonego gościa pod/ za dwierze sadzają/wynoszą* [НКРР I: 716], *Nieproszonych gości sodzają za piec* [НКРР I: 716], (ср. болгар. *Позвали го на гости, туркали го на пец* [БНТ: 360]), *Nieproszonych gości do konta sodzajom* [НКРР I: 716], *Gość bez rozmowy (nierozmowny) za beczkę stoi* [НКРР I: 717], укр. *Хто гостей не любить, най двері запирає* [Фр.ГРНП I: 482], *Не кожного в гості просят, а не одного той буком виносят* – непочесного нелюбого чоловіка не просят в гості, а п'яниця, напасний і в гостині зайде собі в таке, що його поб'ють і виженуть [Фр.ГРНП I: 481], *Такі гості най стоять на мості* [Фр.ГРНП I: 482], или же отсылающие к внешнему континууму, в частности к нечистым локусам, предметам и объектам, синтагматически связанных с нечистотой, мусором – польск. *Nieproszonych gości sadza się pod mietle* [НКРР I: 716], или обозначающие отдаленные от человека топообъекты: – лес, поле: *Gość, który nic nie przyniesie, niech się prześpi w pole, lesie* [НКРР I: 716].

Отрицательная аксиологическая окрашенность незваного гостя выражена в таких единицах: русск. *Незванные гости гложут/грызут кости*, (ср. болгар. *Дошел гост на гола кост* [БНТ: 160]), *Незванные гости с пиру долой, Незванный гость хуже татарина, Непоратый гость хуже татарина, Нез-*

ваного гостя кликали черти с лыками. Негостеприимство со стороны хозяев выражается через пейоративно маркированные образы зубной боли, пустых (нежирных) блюд и проч.: *Приезжие гости – зубная (зубна) болезнь* [БСРП: 214], *Гость в дом – что больной зуб* [БСРП: 214], *Употчевали гостя: поставили липовых лецей да горшок пустых щей, Рад гостям за чужим столом, Звал гостей, а накупил костей, Пришел в гости, посидел у холодной печи, Он любит проезжих гостей, да из-под моста их встречает, Садись – гостем будешь, уйдешь – самовар поставим, Не всяк тому рад, что приехал в гости сват.*

К этой группе относятся входящие в денотативное поле гостеприимства и угощения элементы вербального кода, выраженные в присловьях, пожеланиях, приглашениях и других ритуально-этикетных формулах угощения, прощания, приветствия в разных ритуальных и бытовых ситуациях: *бывайте к нам (у нас) за всяко просто* – форма вежливого обращения гостя с хозяином, означающая приглашение в гости уходящему [ФСРГСиб.: 19], *ушли сапоги гулять* (шутл.) – намекают засидевшимся гостям, что им пора уходить [ФСРГСиб.: 171], укр. *Най все добре гостит у вашім дому* – формула, якою гості дякують за запросини – зайти до чиєїсь хати [Фр.ГРНП I: 620], *Погостив, јік він – щез би в терню* – знач. був у неприємнім товаристві, в домі, де його лихо приймали [Фр.ГРНП I: 620], *Гости на печь глядят – видно каши хотят* [БСРП: 213], *Гости пирожны, да цель подорожна, При дороге жить – всех не угостить* [ТФНО: 32]. Мотив нежеланных гостей реализуется в таких русских фраземах, как *пирожки считать* «ходить в гости в надежде на угощение» (*Мало еще сама ходит, да еще и робенка с собой таскат по гостям – пирожки считают*) [ФСРГСиб.: 194], *носом об лапу угостить* – (ирон.) ничего не дать [ФСРГСиб.: 202]. *В гости к куме да Косте* – об отправляющихся в гости без приглашения или к чужим людям [БСРП: 212], *Дорогие гости, вас от стола отвести или отнести* – шутливое присловье, с которым гости обращаются к хозяину, извиняя свой аппетит [ТФНО: 308] и проч.

Таким образом, в статье намечены возможные пути культурно-семантической реконструкции мифологических, религиозных, наивно-обыденных, этикетно-ритуальных «профилей» концептосферы гостеприимства и угощения в славянском культурно-языковом континууме, рассмотрены возможности концептуального и семиотического моделирования лексемы ГОСТЬ и производных через фразеологические и словообразовательные связи. Универсальным средством языковой категоризации концепта ГОСТЬ

выступает пространственный, дорожный и локативный коды (дом и его части, элементы внутреннего и внешнего пространства, чистые и нечистые локусы), а также социальные проявления (СВОИ-ЧУЖИЕ, ОБМЕН, ДАР и проч).

BIBLIOGRAFIA Z WYKAZEM UŻYWANYCH SKRÓTÓW

- Čelak. – F.L. Čelakovský, *Mudrosloví národu slovanského v příslovích*, Praha: ORT 2000.
- MSZP – *Mały słownik zaginionej polszczyzny*, red. nauk. F.Wysocka. Kraków: LEXIS 2003.
- Muld.-Nieck.-Muldner-Nieckowski, – Carofano-Bugajska S., *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa: Świat książki 2003.
- NKPP – *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, t. I-IV, red. J. Krzyżanowski, S. Swirko, Warszawa 1969-1978.
- Podław. – Podławska D., Świątek-Brzezińska M., *Słownik frazeologiczny języka poskiego*, Bielsko-Biała: Park Sp.z.o.o. 2006.
- SEJP – Długosz-Kurczabowa K., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: PWN 2005.
- SFŽT – Piotrowicz A., *Słownictwo i frazeologia życia towarzyskiego w polskiej leksykografii XX wieku*, Poznań 2004.
- SGK – Sychta B., *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. II-III, Wrocław–Warszawa–Kraków 1968-1969.
- SGP – *Słownik gwar polskich*, t. I-VI, red. J. Karłowicz, Kraków 1903.
- SJP – *Słownik języka polskiego*, red. nauk. B. Dunaj, Warszawa: Wilga 2005.
- Skor. – Skorupka S., *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, t. I, Warszawa: Wiedza Powszechna 2002.
- SMTK – Kopaliński W., *Słownik mitów i tradycji kultury*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy 1985.
- Wieczor. – *Wieczorkiewicz B., Wieczorkiewicz B., Słownik gwary warszawskiej XIX wieku*, Warszawa: PWN 1966.
- WW – Rawson H., *Wicked words*, red. H. Rawson. New York: Crown Trade Paperbacks 1989.
- БМ– *Беларуска міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік*, ред. С. Санько, Т. Валодзіна, У. Василевіч і інш., Мінск 2004.

- БНТ – Българско народно творчество в 12- томах, ред. М. Арнаудов, т. XII. Пословици, поговорки, гатанки. София: Български писател 1963.
- БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц, Москва: ЗАО 2010.
- Васіл. – Жыцця адвечны лад. Беларускія народныя прыкметы і паверы, Кн. I-II, ред. У. Васілевіч, Мінск: Мастацкая літаратура 1998.
- Грінч. – Грінченко Б.Д., Словарь української мови, т. I- IV, Київ 1907-1909.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7-ми томах, т. I-III, Київ: Наукова думка 1982-1989.
- МРБсан. – Санько З.Ф., Малы русска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск: Навука і тэхніка 1991.
- МСГГ – Піпаш Ю., Галас Б., Матеріали до словника гуцульських говірок Косівська Поляна і Росішка Рахівського р-ну Закарпатської обл. Ужгород 2005.
- МФП – Музичний фольклор з Полісся у записах Ф. Колесси та К. Мошинського, Київ: 1995.
- Номис – Номис М., Українські приказки, прислів'я і таке інше, ред. М.М. Пазяк, Київ: Либідь 2004.
- СБГ – Онишкевич М.Й., Словник бойківських говірок, ч. 1. Київ: Наукова думка 1984.
- СБНФ – Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М., Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі, Мінск 1972.
- СБП – Сборник белорусских пословиц, т. I, в: Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, С. Петербург 1867, s. 255-482.
- СОАН – Подвысоцкий А.А., Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, С. Петербург 1885.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров, вып. 1-36 М.Л.(СПб.) 1965-2002.
- ССНП – Юрченко О.С, Івченко А.О., Словник стійких народних порівнянь, Харків: Основи 1993.
- ССТУМ – Словник староукраїнської мови XIV-XV ст., т. I, Київ: Наукова думка 1977.
- СУМгол. – Дзендзелівський Й.О., Ганудель З., Словник української мови Я.Ф. Головацького, в: Науковий збірник української культури у Свиднику, Ужгород-Пряшів. А-3, 1982, нр 10, с. 311-612.
- СЭС – Смоленский этнографический сборник, ч. III: Пословицы, ред. В.Н. Добровольский, С. Петербург 1894.
- ТФНО – Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология, С. Петербург 2006.
- Фр.ГРНП – Галицько-руські народні приповідки. т. I, у 3-х т.: ред. І. Франко, 2-е вид. Львів: ЛНУ 2006.

- ФСПГ – Прокошева К.Н., Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т 2002.
- ФСРГ Сиб. – Фразеологический словарь русских говоров Сибири, ред. А.И. Федорова, Новосибирск: Наука 1983.
- ФССГД – Ужченко В., Ужченко Д. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу, Луганськ 2000.
- ЭС – Энциклопедия суеверий, ред. Рэдфорд и др., пер. с англ. Д. Гайдук, Москва, 2001.
- Юрч. – Юрчанка Г.Ф., Народнае мудраслоўе. Слоўнік, Мінск: Беларуская навука 2002.

SEMANTYCZNE I FOLKLORYSTYCZNE KORELACJE POJĘCIA „GOŚĆ”

Streszczenie

Na podstawie analizy prac etnograficznych i leksykograficznych (dialektalnych) zaprezentowano semantyczne dziedziny występowania pojęcia GOŚĆ w słownikach i tekstach folkloru, uwzględniono jego podstawę onowazjologiczną przez związki słowotwórcze i frazeologiczne (wraz z przysłowiami i porzekadłami) w językach rosyjskim, polskim, ukraińskim, białoruskim. Uniwersalnymi środkami konceptualizacji wymienionych jednostek w akcie nominacji są kategoria przestrzeni (DOM, jego części, sakralne i profaniczne miejsca i inne obrazy kosmogoniczne itp.) oraz pojęcia społeczno-kulturowe o pochodzeniu indoeuropejskim (WYMIANA, DAR), SWOI-OBCE.

SEMANTIC AND FOLKLORE CORRELATES OF THE CONCEPT „GUEST” IN A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

Summary

The article deals with possible ways of cultural and semantic reconstruction of the mythological, religious, naïve, etiquette and ritual profiles of the conceptual domain of hospitality and treating in the Slav and partly Germanic cultural and language continua. The possibilities of the conceptual and semiotic modeling of the lexeme guest and the derivatives through their phraseological connections and semantic filling within the

relevant subframes, ritual scenarios in their nucleus and partly periphery zones of the phraseological-semantic field are being considered.

Słowa kluczowe: concept Gość, rekonstrukcja, kulturowa motywacja, rytuał, wymiana, dar, droga, symbolika zewnętrznej i wewnętrznej przestrzeni, paremia, tekst folklorystyczny, wróżba.

Ключевые слова: концепт *Гость*, реконструкция, культурная мотивация, ритуал, обмен, дар, путь, символика внешнего и внутреннего пространства, паремия, фольклорный текст, примета.

Key words: concept of GUEST, reconstruction, cultural motivation, ritual, exchange, gift, way, symbolism of external and internal space, paremiological unit, folklore text, sign.